

• • • **Е**ще минута-другая, и поезд плавно притормозил. Станция Лесная! Лепихин сошел на бетонный перрон, осмотрелся — никого больше. Раннее утро. Вскинул легкий рюкзак на плечо и зашагал ходко вниз от вокзала, через густо заросший пустырный склон, к своей улице Лесной. Здесь все было лесное — сама станция, речка, любой двор... — перечислял он в уме. И вдруг прямо перед собой, обочь дороги, увидел большую рыжую собаку, узнал ее и тихонько, лишь про себя, засмеялся: ну вот, мол, и живая душа.

— Здравствуй, Лохматая! — сказал он весело.

Собака, услышав свое имя, вскинула голову, мельком глянула и тут же отвела глаза, уткнувшись носом в траву и что-то вынюхивая. Лепихин уже знал: вот сейчас, как и всегда, вслед за собакой должен появиться (с неизменным топориком под мышкой) хозяин ее верный. Однако на этот раз не оправдалось — никто не появился. Собака все так же упорно что-то вынюхивала, крадась, низко припадая, по заросшей обочине. И Лепихин впервые заметил какую-то странную неухоженность и даже растерянность собаки, лохматая шея и грудь ее были сплошь в колючках-репьях.

— Да что с тобой, дорогуша? — ласково он спросил. Но собака, не поднимая головы, прошла мимо. — А где же твой хозяин... где Филипп? — настойчиво он домогался.

При слове «Филипп» собака дрогнула и остановилась, чуть обернувшись, пошарив глазами вокруг и, как видно, ничего похожего не найдя, вновь сунулась носом в траву и засеменила, прибавила ходу.

«Н-да! — озадачился Лепихин. — Что-то случилось?» — и с этим (как бы застрявшим где-то внутри) вопросом спустя минуту-другую вошел в довольно просторную ограду своей дачи — тридцать метров поперек, семьдесят вдоль. Утро уже вовсю разгулялось, и все тут дышало свежестью. После городской духоты истинный рай! Лепихин глубоко и с удовольствием вдохнул этой свежести и неспешно приблизился к дому, постоял, затаив дыхание, — тишина несусветная. И никто его не встречал. «Странно... очень странно, — подумал он, слегка обеспокоившись, поднялся на крыльцо и потянул на себя входную дверь, боясь, что она окажется запертой изнутри, но дверь легко отворилась. Лепихин вошел на веранду (служившую одновременно кухней, столовой и гостевой-прихожей), увидел Ирину, стоявшую у газовой плиты, что-то там кипело, шкварчало и аппетитно пахло жареным.

— А вот и мы, к вашим услугам! — объявил он бодро. — Не опоздал к завтраку?

— Нет-нет, — обернулась Ирина, — в самый раз. Ждем тебя.

— Ждете? Но не встречаете, — шутливо он упрекнул. И тут же, как бы спохватившись и указав глазами на потолок, тихонько спросил: — А наши, верхние, все еще спят?

— Да ты что! — изумилась Ирина. — Наши «верхние» давно уже в лесу. Андрей только что звонил: возвращаемся, говорит, с грибами, даже любимых папиных лисичек набрали...

— Молодцы! Весело живете, — улыбнулся Лепихин.

— Ну, не всегда так весело, — загадочно помолчав, сказала Ирина. — Видел бы ты, что тут творилось три дня назад... Уму непостижимо!..

— Даже так? И что... что же могло тут случиться?

— Не могло, а уже случилось, — уточнила Ирина. — Кстати, ты шел сейчас мимо хмыревского гаража, рядом столб там стоит телеграфный. Тебе не бросились в глаза никакие перемены?

— Перемены? — насторожился Лепихин и виновато развел руками. — Вот столба-то я и не заметил. Да ты скажи без всяких загадок, что случилось и причем тут столб?

— Скажу, — все так же загадочно кивнула Ирина. — Только сначала ты посмотри на него, чтобы своими глазами увидеть.

— Хорошо, — с готовностью отозвался Лепихин и ушел в дом, а минуту спустя подал голос: — Ну вот, смотрю! Столб как стоял, так и стоит на своем месте.

— А ты внимательнее посмотри, — посоветовала Ирина. — Столб ведь не сам по себе стоит, на нем провода.

— Провода? Вижу провода. О, теперь все ясно! — вдруг воскликнул весело и тотчас вернулся на веранду, посмеиваясь. — Что, электрики побывали в гостях у нашего соседа?

— Побывали.

— И достали, наконец, из-под земли все его «заморские» провода, пустив их, как и положено, по воздуху — от столба и прямо к дому? Культурно и всё налицо. Молодцы электрики!

— Отчасти это так, — подтвердила Ирина. — Проводку от столба к дому сделали электрики, но только после всего случившегося. Как это называется у нашего Андрея телепрограмма, «Постфактум»... Вот и электрики явились к месту происшествия, когда все страсти были уже позади.

— Замысловато немножко. Но главная-то суть в чем?

— А суть в том, что той ночью столб Хмыря был срублен.

— Как срублен...зачем? И кто мог это сделать?

— Не удивляйся, виновником объявили тебя.

— Меня-я?! — изумился и не поверил Лепихин. — Кому ж этот бред мог прийти в голову? Ну, да! Хмырю, конечно... — тут же и догадался.

— А кому ж еще? — кивнула Ирина. — Он в то утро ворвался сюда, дверь нараспашку, и прет на меня, кулаки сжаты, морда красная, глаза бешеные. «Вы что тут натворили на нашей усадьбе! — заорал еще от порога. — Где сам? Ах, в городе... Что, следы замечает? Да мы с вас за это три шкуры...» А я понять ничего не могу. Он меня чуть ли не за руки хватает и тащит за собой. «Идем-идем, покажу, носом ткну в то, что вы натворили». Картина и в самом деле жуткая. Столб валяется в стороне, щепка вокруг, провода выдраны из-под земли, порваны и порублены. «Вот ваша работа!» — орет он всюду, не может остановиться. Ну, думаю, сейчас весь поселок поднимет. Смотрю, и вправду, идет прямо к нам фермерша Галина, спокойная и уверенная, как всегда; подошла, поздоровалась, сказала: «Ну, что тут за шум, а драки нет?» Хмырь аж передернулся: «А драка еще впереди! Вот полюбуйся, — взывал он к ее сочувствию, — что учинили они, соседи мои ближайшие, — и глянул так на меня, будто кипятком ошпарил. — Да я сегодня же передам в суд встречный иск... головой мне ответят!» — пригрозил. «А ты уверен, что сделали это они?» — спросила Галина. «Более чем уверен!» — прямо-таки выпалил он, казалось, вложив в эти три слова всю свою накипевшую злобу. Галина внимательно посмотрела на него. «Тогда послушай меня. — Чуть помедлила и спокойно сказала: — Столб этот срубил наш Филипп».

Можно себе представить возникшую паузу, этакую немую сцену в духе гоголевского «к нам едет ревизор» — стоим и молчим. Наконец, Хмырев, глядя куда-то в сторону, спрашивает: «Зачем он это сделал?» Вопрос явно был обращен к Галине. «Об этом надо спросить самого Филиппа, — все так же спокойно сказала она. — Хотя делать этого я не советую». «А что я должен делать?» — мрачно озаботился Хмырев. Разговор между ними назревал явно непростой. И тут я с облегчением поняла, что моя миссия в этой «столбовой» передрыге полностью исчерпана, благодарно тронула руку Галины и ни слова не говоря удалилась в свои палаты. О чем они там говорили и договаривались, я не знаю. Однако

столб в тот же день восстановили. И сделано это было стараниями самой Галины, поскольку ее брат заварил эту кашу.

— Да, крутая историйка, — покачал головой Лепихин и не без сочувствия поинтересовался: — А что Филипп, сидит, небось, теперь за свою провинность взаперти?

— Филиппа увезли в Боровиху, — сказала Ирина. — Там же что-то вроде профилактория для таких увечных людей, что и Филипп, вот оттуда по вызову Галины и прибежал скоренько крытый фургончик, усадили Филиппа в него и уехали. Подальше от греха! — добавила с усмешкой.

Однако Лепихин вполне серьезно, без всякой иронии отнесся к этой неминуемой «экзекуции»:

— Вот так и страдают люди за правду, — сказал он. — А Филипп не столь увечный, сколь глубоко скрытый от нас и слишком остро воспринимающий всякое зло и несправедливость, чего нам, простым умникам, зачастую недостает. Жаль Филиппа! — вздохнул и улыбнулся одновременно. — А я только что, идя от вокзала, встретил его собаку, Лохматую, вид у нее потерянный, прямо-таки несчастный, вся в репьях. Теперь-то мне понятна ее неухоженность.

— Галина говорила, что Филипп щеночком принес ее в дом, выкормил, вырастил, вот она и тоскует теперь, когда его нет, — пояснила Ирина. И вдруг, как бы разом обрывая эту историю, оживилась: — А вот и наши грибники с полными лукошками.

И почти в тот же миг дверь распахнулась, вошел Андрей, увидел отца и, руки раскинув, двинулся к нему:

— О-о, злостный порубщик телеграфных столбов явился! Полина, где ты там? — поторопил жену. — Готовь мангал! Объявляем в честь такого события шашлычный день.

И закрутилось! Кто-то чистил и сортировал грибы для сушки — тут Лепихину не было равных, он эти операции знал назубок; Андрей, будучи несравненным истопником, уже заготовил аккуратно колотых чурочек, поставил мангал на бетонный подиум близ пожогочной ямы, за баней, и разводил в нем топку — запахло сладковатым березовым дымком; Полине доверена более важная часть работы: сотворение самих шашлыков, то бишь уже нанизанных на металлические шампуры добротных кусочков

телятины, тщательно обработанных и сдобренных всевозможными добавками — тут вам и перчик молотый, и мелко нарезанный лук, и лимонный сок либо уксус пахучий, можно и в сухариках мясо обвалить, а затем выдержать пару часиков в холодильнике.

И, наконец, появляется Поля, держа перед собой довольно широкий противень с большой и прямо-таки живописно уложенной горкой загодя изготовленных ею шашлыков.

— А вот и мы! — торжественно объявляет, ставя противень на низкий столик, всё под рукой. — Как там у нас с уголочками?

— Малость придется повременить, добавим еще жару, — спокойно ответил Андрей.

Неторопливо, как бы между делом, подошел Лепихин, увидел, а может, учуял шашлычную горку на противне и не сдержал восторга:

— Боже, какой роскошный натюрморт! Нет-нет, я давно заметил: настоящий художник во всем художник, — сказал и хитро глянул на Полину, та сдержанно улыбалась.

— Ну, Сергей Леонидович, насчет «настоящего» художника вы явно переборщили. Да я ведь и художественное училище окончила с педагогическим уклоном.

— Это не имеет значения, — сказал он твердо. — Ты отменная рисовальщица, вон как чудесно и точно сделала Дашин портрет. Когда он был на выставке, я дважды специально заходил в музей и любовался «Дашей». Хотя до этого портрет больше двух лет висел в моем кабинете.

— Угли готовы! — объявил Андрей, прерывая ненужные разговоры. — Закладываем шашлыки.

Славный денек выдался! Солнечно было, тепло и сухо — середина приобской осени. А главное, не шибко часто удавалось собраться так вот всем вместе. И шашлыки получились отменные. Но в момент расчудесной этой трапезы Ирина Григорьевна вдруг вздохнула и посетовала:

— Сейчас бы Дашу сюда — и вся семья в сборе!

— Так в чем же дело? — мигом вскинулся Андрей. — Давайте мы ей дозвонимся.

— Как? Даша ведь где-то в экспедиции.

— Это не проблема, — заверил он и сам, похоже, загорелся уже не на шутку, держа в руках заморский свой всеслышащий и даже всевидящий чудо-смартфон. Поколдовал там что-то, тыча пальцем, секунду-другую прислушивался и, не повышая голоса, спокойно сказал:

— Алло! Даша, привет. И где я тебя застал? Небось, отложив лопаты, отдыхаете сегодня? Ах, в палатке... Так тебе, наверное, неудобно там разговаривать, не помешаешь соседям?

Даша что-то ответила. Он секунду помедлил и засмеялся:

— Понятно! Да-да, теперь понятно. Оказывается, и в экспедициях палатки не только общие, но есть и одноместные. А может, и люксы имеются? — шутливо съехидничал. — Вот так и отрываются от народа...

И разговор этот казался таким обыденным, будто встретились отец с дочкой в давно знакомом проулке, близ дома родного, а не за многие тысячи верст друг от друга: отец в Приобье, на станции Лесная, а дочь где-то аж на самом дальнем востоке Китая, в районе Циндао, на берегу Желтого моря... И запросто общаются.

— Ну, как у тебя...все нормально? Раскопки интересные? А тут вот бабуля, дед и все остальные жаждают поговорить и увидеть тебя воочию. Выше голову! — упредил, посмеиваясь. — Включаю видеомонитор.

И буквально в тот же миг на экране чудо-телефона возникло милое, чуть напряженное Дашино лицо. Бабушка охнула от неожиданности, но тотчас объявила, что выглядит Даша куда как хорошо, очень даже славно! Дед попытался вставить нечто более серьезное и деловое, связанное с экспедицией Дарьи Лепихиной, но баба Ира уже взяла вожжи в свои руки. Говорили наперебой, довольно весело и бурно, скорее даже сумбурно; много смеялись, подшучивая друг над другом; говорили долго и, кажется, обо всем; а когда закончили разговор, оказалось, ни о чем серьезном вроде и не было сказано-спрошено, всё как бы поверху проскочило.

Однако никому и в голову не пришло сожалеть, испытывая чувство какой-либо недосказанности, всем и всё было ясно, понятно и видно насквозь: Даша спокойна, уверена в себе, любит

свою работу, живет ею сполна и преуспела за эти годы немало. А что еще и желать человеку?!

Вот такой славной выдалась та суббота. И завершилась хо-орошей баней. Натопили крепенько, аж за шестьдесят градусов! И в первый жар, как и положено, пошли мужики. Да в обнимку с березовым веничком. И напарились, нахлестались от всей души, что было уже вершиной всех земных благ, можно сказать, праздничным омовением.

А наутро, после завтрака, выйдя из-за стола и немного поколебавшись, Андрей сказал, что сегодня надо бы пораньше вернуться в город. Ирина Григорьевна удивленно глянула на сына: и зачем такая спешка, сегодня ж воскресенье? Андрей кивнул: помнит, мол, что воскресенье, но завтра, в понедельник, у него, как всегда, запись передачи «Ваш ход», приглашены ректоры трех заглавных приобских вузов, разговор предстоит очень важный, и ему (как ведущему) необходимо кое-что уточнить, загодя подготовить. «Одним словом, подбить бабки», — улыбнулся он матери. Она лишь руками развела: надо — значит надо! Но тут и Лепихин-старший подал голос:

— Вы поезжайте, а я останусь.

— Как останешься?! — смотрят на него изумленно. — Завтра ж у тебя такой ответственный день.

— Знаю, — соглашается он. — Однако не беспокойтесь, к пятнадцати ноль-ноль буду как штык на месте. Повестка у меня в кармане, — обнадежил, посмеиваясь.

На том и порешили. После обеда спешно собрались. Попрощались нежно — Ирина, Полина... Андрей подошел последним, обнял отца за плечи, прижавшись щекой к щеке, как бывало когда-то в далеком детстве, и доверительно тихо сказал: «Ну... доживем до понедельника?! Не скучай».

Лепихин помахал им рукой и остался один. Постоял, как бы привыкая к враз наступившей тишине и придумывая, чем бы дальше заняться, вздохнул и буркнул себе под нос: «Доживем до понедельника... а там поглядим». Послonyaлся по ограде туда-сюда, словно потеряв самого себя, не поленился сходить и в дальний угол усадьбы, где почти вплотную к забору стоял кривобокий, наполовину крашеный (видать, на другую

половину краски не хватило) железный гараж Хмыря. И тут же рядом высился тот злополучный телеграфный столб, который накануне был срублен Филиппом. «Чтобы лампочки и у Хмыря не горели», как объяснял сам порубщик, пытавшийся так или иначе восстановить справедливость. Теперь и его, искателя правды, увезли в Боровиху, где он, в знакомой уже обстановке, гостевал не впервые.

А срубленный столб в тот же день подняли и воздели еще выше, зажав между двумя рельсами, вбитыми в землю, и прочно стянув стальными обручами. «Укрепляется мужик!» — не без грустной иронии подумал Лепихин. И тотчас неотлучный его двойник напомнил о себе. «Выходит, лож сильнее правды?» — спросил он с явную подковыркой. «Правда всегда одна, а лож многолика», — помедлив, отозвался Лепихин. «Значит, вся сила нынешней лжи в ее многоликости?» — как бы с другой стороны зашел двойник. «И слабость ее в этой же многоликости, — ответил Лепихин. — Ты замечал, когда Правда и Ложь сталкиваются лоб в лоб, последней приходится туго и она зачастую пасует?» «Да, но мне и другое знакомо, — гнул свое упрямый двойник. — Когда лож припрут к стенке, она тут же отыскивает и находит иные ходы, более изощренные и наглые. Вот и растолкуй: откуда она берется, эта несусветно жуткая зараза, из каких грязных источников вытекает и разрастается до пределов прямо-таки вселенских, если не космических?» Лепихин, выслушав пылкую эту тираду, ответил коротко. «Откуда, говоришь, берется? А вот отсюда, от этого столба», — сказал он и, круто повернувшись, двинулся в сторону своего дома. В ушах от волнения слегка позванивало. Однако, пройдя немного, он уловил и, кажется, понял: звон доносился откуда-то издалека. Лепихин, замедлив шаги, прислушался. Вот опять где-то, не так уж и далеко, в глубине леса несколько раз кряду обрывисто-сдвоенно и глухо брякнуло, будто корабельная рында отбила склянки. И тут же, почти без паузы, неким тонким подголоском отозвался колокольчик.

Лепихин остановился подле ворот, выходявших к лесу, минутой подождал. Снова брякнуло раз и другой, но теперь уже более громко и отчетливо, и мигом колокольчик исполнил свою партию. «Странно, — вслух подумал Лепихин и неожиданно

решил: «Пойду-ка прогуляюсь. Давно не был в лесу», сманили его, позвали загадочные перезвоны.

Сразу же от ворот по накатанной автомобильной колее он прошел метров двести вдоль согры, одолел некрутой ложок и враз оказался в затишно густом и по-осеннему пестром лесу. Позади осталась согра, слева в полусотне метров шла асфальтовая дорога к санаторию «Березовая роща» — оттуда время от времени и доносились странные перезвоны, хотя Лепихин, как ему казалось, и успел уже распознать в их глухом и отрывистом бряканье басовитый голос железного ботала. Он шел не спеша, то и дело натываясь на попадавшие под ноги запоздалые осенние грибы; осторожно обходил их, вздыхал сожалеюще: извините, мол, братцы, но взять вас не могу, экипировка сегодня не та. Разговаривал тихо и доверительно. Вот в этот момент и случилось то, что в природе бывает нередко. Пройдя еще немного, Лепихин вдруг ощутил перед глазами какое-то неясное колебание, что-то застыть стало, как будто дымкой затягивало, и тут же сплошная серая масса беззвучно и невесомо обрушилась сверху, окутав и поглотив остатки света. Ни зги! Мгла кромешная. Лепихин остановился, ничего перед собой не видя. Туман был густой и плотный, как молозивное молоко; земля и небо превратились в нечто единое.

И перезвоны затихли, вроде бы где-то брякнуло и оборвалось — никаких ориентиров. Вернуться! Куда? Выйти на трассу. Но трассу он тоже потерял! Крутнулся несколько раз, шагнул туда, сюда, под ногами что-то хрупнуло, поползло скользко, обдав несусветным грибным духом. «Раздавил!» — почти с отчаяньем догадался Лепихин. Ау! Человек заблудился!! Спасите Наши Души!!!

И тут двойник его неусыпный наконец-то подал голос. «Не суетись! — сказал он очень спокойно и даже холодно. — Спасти одного заблудшего вполне возможно, а вот если все человечество достигнет такая тьма... Кто его вызволит и вытащит из этой туманной пандемии? Кто спасет человечество?!» «Мир не без добрых начал, — помедлив, сказал Лепихин. — Думаю, выпутается и человечество... Найдет свою стезю».

Вот в этот момент и просветлело. Туман рассеялся. И Лепихин прямо перед собой, шагах в десяти, увидел рыжую собаку...